

соответствовало бы действие как чистое средство, которое предъявляло бы только само себя, без отношения к какой-либо цели» (р. 148). Вот такой, несколько мистический, утопический антиструктуралистский призыв, в духе, я бы сказал, иенского романтизма, звучит со страниц этой книги – даже более отчетливо, чем в прошлых книгах.

Что можно на все это сказать? Прежде всего, представляется, что Агамбен проявляет терминологическую непоследовательность в использовании понятия «аномия». Как правило, он употребляет его синонимически по отношению к «жизни» и «насилию», чтобы обозначить их противоположность праву. Но на странице 102 он предлагает считать аномию средним термином, а именно зоной подвешенного закона, по-видимому, совпадающей с чрезвычайным положением, исключением. Тогда создается троичная структура в духе Канта: закон, жизнь (насилие) и аномия, обеспечивающая их отношение. И это довольно убедительно. И все же остается вопрос об онтологии Агамбена: имеем ли мы дело с контактом двух субстанций (закона и жизни, знака и вещи) или с трансценденцией одной субстанции в неизведанную пустоту? Или вообще с реальностью границы, которая производит обе субстанции как артефакты?

Если мы стоим на собственной позиции, работаем с уже имеющимся строем, с уже написанной буквой, то лучше все-таки выходить за собственные пределы и открываться тому, что творится вне твоей структуры, чем отказываться вступать в отношения с иным и бороться за взаимную чистоту. Позиция Агамбена, исходящая из двух противоположных субстанций сразу, кажется непоозиционной, аполитичной.

Идея чрезвычайного положения заключается в том, чтобы закон имел как бы латеральное зрение, пластичность и способность к трансформации. Никакой метафизической «аннексии» трансцендентного здесь нет. При этом нужно, конечно, быть чувствительным и к незаконности самого закона. Но все же стараться непрестанно, вновь и вновь, проводить суверенную границу между правовым и чрезвычайным, чтобы поддерживать смысл и того и другого. Таков императив Шмитта. Агамбен же идет дальше простого различения: для него граница осмыслена, только если она становится полным разрывом. Но ведь верно и обратное: нет разрыва без различения и вступления в отношения. Как политика требует и признания врага, и непризнания его, так и право требует применения и неприменения одновременно. Подвешивание этих антиномий не обязательно должно вести к разрыву их членов: достаточно, на мой взгляд, ритмического колебания между ними.

Денис Голобородько

«Les anormaux» Мишеля Фуко: «ненормальные» или какие-то другие?

Мишель Фуко. Ненормальные.

Пер. с фр. и послесловие А.В. Шестакова, предисловие В.Ю. Быстрова.

СПб.: «Наука», 2004. – 432 с.

Мировая известность и влияние, которыми на протяжении вот уже полувека пользуются идеи и творчество М. Фуко, сложились не только благодаря его знаменитым книгам «История безумия», «Надзирать и наказывать», «Слова и вещи», «История сексуальности» и др. Не меньше, чем автор книг, Фуко при жизни был знаменит как лектор и преподаватель. И эта часть его интеллектуальной деятельности происходила на вершине академической жизни Франции – в Коллеж де Франс.

В святая святых французской Академии Фуко вступил 2 декабря 1970 года, произнеся свою знаменитую речь «Порядок дискурса» и официально возглавив кафедру Истории систем мысли. Она была учреждена вместо кафедры Истории философской мысли, оказавшейся вакантной после смерти 27 октября 1968 года возглавлявшего ее Ж. Ипполита. Нужно сказать, что Ипполит, один из столпов французской Академии, еще в 1966 году огласил имя Фуко в качестве кандидата на должность преподавателя Коллежа. Название кафедры было предложено самим Фуко, который в заключении своего конкурсного проекта, представленного в коллегии профессоров Коллежа, написал: «<...> нужно заняться историей систем мысли».

С этого момента вплоть до своей смерти Фуко каждый год читал в Коллеж де Франс отдельный новый курс¹, специфика которого, согласно уставу данной институции, состояла в том, что он должен был не просто повторять уже проделанную и опубликованную работу, но отражать и представлять текущие исследования того или иного преподавателя Коллежа.

При жизни Фуко написанные им краткие содержания каждого из курсов издавались в ежегодниках Коллежа. После его смерти они были изданы отдельно под названием «Résumé des cours». Выдержки из курсов публиковались и на страницах периодических

¹ За исключением одного-единственного года.

изданий в виде цитат в посвященных Фуко статьях², а также включались в книги, представляющие собой переводы Фуко на другие языки³. Аудио- и видеозаписи курсов хранятся в архивах Центра Мишеля Фуко, с 1998 года содержащихся в IMES (l'Institut Mémoires de l'édition contemporaine⁴). Только несколько курсов до сегодняшнего дня были полностью опубликованы в виде отдельных изданий. В их число входят и «Les anormaux», курс, прочитанный Фуко в 1974-1975 учебном году и изданный в 1999-м.

С точки зрения структуры книги издание под названием «Ненормальные» полностью повторяет «Les anormaux» за исключением того, что в него добавлено предисловие редактора русского издания и послесловие переводчика; отсутствует индекс терминов и понятий (Index des notions et des concepts), который есть во французском издании; указатель имен (Index des noms de personnes) почему-то вместе с послесловием приписывается переводчику, а на странице, по идее призванной познакомить русского читателя с титульным листом французского издания, имеются существенные упущения⁵.

Прежде чем перейти к сути дела, стоит, конечно, затронуть саму проблему перевода⁶. Говоря коротко, бросается в глаза проблематичность того, как переведены многие термины, вводимые Фуко в данном исследовании. Во-первых, в русском переводе существует множество ничем (кроме бессилия) не оправданных калькированных латинизмов, по-русски звучащих, мягко говоря, «никак». Самый яркий из примеров, который можно привести, – это «кульпабили-

² См.: *Nemo P. Le pouvoir pris en flagrant délit par Foucault // Les Nouvelles littéraires*, № 2515, 8-15 janvier 1976, pp. 6-7.

³ См. например: «Power and Norm. Notes» – выдержки из курса 1972-73 года «Общество наказания», опубликовано в: *Foucault M. Power, Truth, Strategy*. Sydney: Feral, 1979, pp. 59-66, а также: «Vorlesungen zur Analyse der Macht-Mechanismen: das Denken des Staates» – выдержки из курса 1977-78 года «Безопасность, территория, население», опубликовано в: *Foucault M. Der Staub und die Wolke*. Bremen: Verlag Impulse, 1982, S. 1-44.

⁴ Мемориальный институт современного книгоиздания и печати.

⁵ Отсутствует информация о том, что издание подготовлено Валерио Маркетти и Антонеллой Саломони под руководством Франсуа Эвальда и Алессандро Фонтана, а также с ошибкой указан издатель: если во французском издании фигурируют два «бренда» – Gallimard и Seuil, – то в русском можно увидеть только один – Gallimard.

⁶ Нужно отметить, к чести русского переводчика, что в послесловии к данному изданию некоторые из своих «решений», квалифицируемые нами как сомнительные, он сам определяет в качестве «спорных».

зация тела плотью»; можно упомянуть здесь также «политико-психиатрический дискриминант индивидов» и еще – «тарификацию исповеди». Нужно сказать, что эти примеры мы заимствовали просто из перевода содержания курса.

Во-вторых – вопрос, конечно, более спорный, но, тем не менее, остающийся вопросом, – это соответствие перевода центральных образов книги их французскому оригиналу: «le monstre humain» – это «человеческий монстр» (как полагает переводчик) или, может быть, все-таки «человек-чудовище», тем более когда он терминологически начинает соотноситься с «le monstre sexuel» («сексуальным монстром» в понимании переводчика)? «L'individu à corriger» – это «исправимый индивид» (как полагает переводчик) или «индивид, подлежащий исправлению», тем более что Фуко указывает на специфическую «игру исправимости (la corrigibilité) и неисправимости (l'incorrigibilité)», образующуюся вокруг него⁷?

Но главный вопрос, который хотелось бы обратить переводчику «Ненормальных», касается правомерности такого перевода заглавия: его неоднозначность и, пожалуй, эпатажность бросаются в глаза даже читателю, не знакомому глубоко с творчеством Фуко.

В этимологическом смысле переводчик был прав, передав французское название таким образом: в данном случае во французском, как и в большинстве европейских языков, начальная «а» (называемая лингвистами «'a-'negativum») имеет смысл отрицания. (Стоит заметить, что этот лингвистический факт использовал М. Хайдеггер, строя свою знаменитую концепцию истины как «несокренности»; он утверждал, что греческое слово «истина» – «ἀλήθεια» – состоит из этой самой «'a-'negativum» и корня, происходящего от глагола «λανθάνω» – «быть скрытым»⁸.)

Однако, ограничившись только формальной структурой слова, переводчик, на наш взгляд, допустил одну существенную ошибку: он не учел, что перевод – это перенос из одного языка в другой, где одна и та же структура может быть наполнена различными содержаниями. И ставя вопрос о правоте переводчика в сделанном выборе, мы одновременно затрагиваем «нерв» данной книги Фуко: кто же такие эти «anormaux» и какова их особая судьба и особое

⁷ См.: «Les anormaux». P. Gallimard / Le Seuil, 1999, p. 54. В этом же ряду, добавим, стоит и нелепое новообразование «ребенок-мастурбатор», в то время как подразумевается «ребенок-мастурбант».

⁸ См., напр.: *Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Его же. Время и бытие*. М.: «Республика», 1993.

место в том мире, в котором мы живем сегодня, а значит также – «кто же такие мы сегодня»⁹, «мы», то есть «нормах»? Однако, прежде чем коснуться его непосредственно, скажем, забегаем немного вперед: такой формальный перевод слова «анормах», сохраняя структуру, нарушает при этом его смысловую окраску, – он очень сильно *банализирует* те образы и фигуры, которые стоят в центре данного исследования Фуко¹⁰.

* * *

Исходя из раннего исследования Фуко «Безумие и Неразумие. История безумия в классическую эпоху» (1961) мы знаем, что начиная с XVII века европейский Разум (Ratio), утверждая свою автономию, устанавливает собственную границу, отделяя и *исключая* все то, что не отвечает условиям, определяемым им в качестве основы своего существования. Эта диалектика Разума и его Иного¹¹ (имеющая в некоторых чертах сходство с гегелевской диалектикой сознания и самосознания) составляет существенную часть книги «История безумия». Другой ее частью является реализация проекта, название которого вошло в историю философии как имя собственное концепции Фуко, а именно «археологии» («Историю безумия», в частности, Фуко называл «археологией молчания»). «Les anormaux» во многом наследуют проблематику «Истории безумия» и ее основные положения, перенося акцент с диалектики Тожественного и Иного на генеалогию Того же Самого¹².

Однако «Les anormaux» могут быть рассмотрены в рамках творчества Фуко не только в отношении наследования, но и в отноше-

⁹ См.: Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: «Праксис», 2004, с. 360–361.

¹⁰ В силу своего неприятия термина «ненормальные» мы везде в данном тексте пользуемся калькой «анормальные» и ставим это слово и его дериваты в кавычки, оставляя вопрос о том, как следует переводить этот термин, открытым. (Забегаем вперед, можно бы было выдвинуть «версию»: может быть, «вненормальные»?)

¹¹ Иное – это Неразумие («Déraison»). Заметим, что для описания этого Иного, внутри которого, согласно Фуко, еще сохраняется непосредственная связь с сущностью самого Разума, он выбрал термин, в лингвистической структуре которого также присутствует отрицание, но выраженное не через «a- negatvum», а через другую частицу – «dé-».

¹² В завершении первой лекции Фуко говорит: «Возникновение власти нормализации, то, каким образом она сложилась, то, каким образом она сумела установиться, никогда не опираясь на один-единственный институт,

нии предвосхищения. Так, в этой книге в определенном отношении уже затрагивается проблематика, которая будет находиться в центре других знаменитых исследований Фуко – «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) и отчасти «Истории сексуальности» (1976–1984).

Таким образом, можно определить особое место «Les anormaux» в корпусе текстов Фуко в целом: те смысловые линии, которые развиваются Фуко в его наиболее известных исследованиях по отдельности, здесь образуют единый смысловой узел. И «точка», которая позволяет Фуко свести в этой книге воедино различные векторы его исследований, – это проблема исключения¹³. Если вышеупомянутые знаменитые работы Фуко рассматривают отдельные *виды* форм и объектов исключения («Надзирать и наказывать» занимается отношением преступления (и преступника) и тюремного наказания, «История безумия» – отношением безумия (и сумасшедшего) и психиатрического лечения, «История сексуальности» – отношением извращенного желания (и перверта) и семьи), то в «Les anormaux» Фуко занят определением исключения как такового. И делает он это через исследование отношения *нормы* и того, что находится за ее пределами.

Прежде чем перейти непосредственно к центральной теме данного исследования, следует также упомянуть другие представленные в нем векторы, которые являются доминантными для всего творчества Фуко. Прежде всего, это анализ точек переплетения «дискурса» и «практики», а также анализ «технологий власти» и «техник преобразования индивидов».

но втягивая в игру различные институты, и то, каким образом она распространила в нашем обществе свое господство, – вот что я хочу разработать». Французский издатель лекций снабдил последние слова этой фразы примечанием: «В подготовительной рукописи к лекции: «археологию этого я и хотел бы создать». См.: «Les anormaux», р. 24. Ср.: «Ненормальные», с. 48.

¹³ Большинство исследователей творчества Фуко, как бы ни различались их оценки, сходятся в том, что эта проблема является для него центральной. Для русскоязычного читателя в данном контексте стоило бы отметить несколько определений творчества Фуко. Так, В. Подорога говорит о работах Фуко как об анализе «становления европейских институтов исключения (практикующих различие между психическим заболеванием и нормой здоровья, или между преступным и законопослушным поведением, перверсией и общепринятыми правилами сексуального поведения)»; понятие исключения у Фуко он рассматривает в рамках анализа понятия Другого, а точнее – в рамках исследования «постструктуралистского анализа темы Другого»

* * *

Кто же, в сущности, такие эти «анормаих»? Прежде всего, следует обратить внимание на первое появление, скажем даже сильнее – *явление* этой фигуры в исследовании Фуко. Где Фуко обнаруживает в *настоящем* и предъявляет своим слушателям, *актуально существующим*, этого «персонажа»? Каково поле его современного существования? Это поле – *судебно-медицинская экспертиза*. Уже на одно это достаточно было бы обратить внимание, чтобы увидеть нетривиальность значения слова «анормаих». После этого впечатляющего предъявления образа «анормальных» Фуко ставит вопрос, как получилось так, что дискурс, дающий им существование и его поддерживающий, являющийся одновременно дискурсом истины и дискурсом, вызывающим смех¹⁴ (дискурсом по своей природе гротескным¹⁵), как этот дискурс, несмотря на то что он прочно вошел в ткань нашего повседневного существования, является практически незаметным. А между прочим, дискурс этот способен убивать, замечает Фуко. Почему же тогда в современной теории ему уделяется так мало места? – спрашивает он. Ответ на этот вопрос имплицитно содержится в самом исследовании Фуко, но мы также можем дать на

(см.: Подорога В.А. Словарь аналитической антропологии // Логос, 1999, № 2, с. 26-28). В близком ключе построена работа М. Рыклина «Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко» (см.: Логос, 1994, № 5, с. 196-206), в которой проблема исключения рассматривается в том виде, какой она приобрела в поздних работах Фуко. На ключевое значение проблемы исключения для всего творчества Фуко указывает также И. Ильин (см.: Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: «Интрада», 1996, с. 77–78). Он также говорит о связи этого мотива в творчестве Фуко с «общим местом всего современного западного «философствования о человеке», <...> получившего особое распространение в рамках постструктуралистских теоретических представлений», каковым он признает тему Другого. Однако интерпретация И. Ильина дает ограниченное психологистическое толкование этой темы, сводя Другого к «Другому в человеке», и не учитывает того факта, что в рамках «постструктуралистских теоретических представлений» вообще и в концепции Фуко в частности эта тема имеет прежде всего социополитический генезис, в чем русскоязычный читатель может лишиться раз убедиться, прочитав «Les anormaux».

¹⁴ См.: «Ненормальные», с. 26. Как поясняет французский издатель «Les anormaux», когда Фуко зачитывал фрагменты из отчетов судмедэкспертов, аудитория сопровождала этот процесс частым смехом.

¹⁵ См.: «Ненормальные», с. 32–35.

него достаточно короткий, но в то же время, как нам кажется, точный ответ: «анормаих» – это те, кто *отсутствует рядом*; мы не разделяем с ними *общего места*, поэтому нам нужно выработать дополнительную аналитику, чтобы обнаружить способы, которыми создаются те, кто является другими. (Мы находимся по эту сторону, а они – по ту, разделяющей границей является норма; и для нас, находящихся здесь, эта граница невидима как таковая, видимо только то, что этой границей создается, – «анормальные»; и видимы они только постольку, поскольку дистанция, разделяющая нас и их, абсолютна и непреодолима.) Исследование «Les anormaux» и представляет собой разработку такой аналитики.

В третьей лекции, а также в резюме данного курса Фуко дает набросок своей генеалогии «анормальности», выделяя три элемента, из которых образовались «анормальные как группа»¹⁶ (следует учитывать, что ее становление, как отмечает Фуко, «не являлось одновременным»¹⁷):

1. «Человек-чудовище». Референтной базой этого понятия является закон, однако закон в широком смысле слова: чудовище «самим своим существованием и внешним обликом нарушает не только законы общества, но и законы природы»¹⁸. Это понятие юридически-биологическое, резюмирует Фуко. Две вещи *автоматически* ставят его вне закона: а) чудовище не может быть субъектом закона, поскольку закон не может говорить о нем и учитывать его существование; б) чудовище – это естественная форма противоестественного и предельный образец любого самого мелкого отклонения (так, психиатрическая экспертиза XIX–XX веков, говорит Фуко, будет искать за мелким ворышкой великое природное чудовище).

2. «Индивид, подлежащий исправлению». Это понятие более позднее, чем «чудовище», и соотносится оно в первую очередь не с «императивами закона и каноническими формами природы, а с техниками выучки (*dressage*) с их собственными требованиями»¹⁹. Одновременно с созданием в рамках армии, школы, мастерской, церковного прихода техник дисциплины в XVII–XVIII веках возникает и фигура «неисправимого»: того, для кого эти техники оказались недейственными и для кого, следовательно, требуются дополнительные технологии. Так складывается фон для той игры исправимости

¹⁶ Foucault M. Resumé des cours. P.: Julliard, 1989, pp. 73-81.

¹⁷ Ibid., p. 73.

¹⁸ «Ненормальные», с. 79.

¹⁹ Foucault M. Resumé des cours, p. 75.

и несправимости, которой будет характеризоваться существование «анормальных».

3. «Ребенок-мастурбант». Это самый поздний из трех предшественников «анормальных». Он появляется в рамках института семьи в конце XVIII века, а его значение для генеалогии анормальности состоит в том, что с этого времени детская мастурбация начинает признаваться универсальным объяснительным принципом любых частных патологических отклонений.

До конца XVIII – начала XIX века, согласно Фуко, эти фигуры существуют совершенно обособленно, и только тогда, когда «будет налажена устойчивая сеть знания и власти, которая эти три фигуры объединит или, по крайней мере, осмыслит согласно общей системе установок», и возникнет «технология анормальных индивидов»²⁰.

Все основное содержание книги «Les anormaux» представляет собой развернутую экспликацию этой «генеалогии» «анормальности». Но в каждом конкретном случае, на примере каждого отдельного элемента Фуко обнаруживает общие черты, свойственные тем процедурам, которыми этот элемент устанавливается в существовании, – каждый пока в своем собственном поле.

Очень схематично эти черты можно сгруппировать в несколько общих свойств, как раз и характеризующих их как генеалогические свойства «анормальных», а установление этих свойств можно бы было назвать «археологией нормы» Фуко. Во-первых, все те элементы, которые являются, согласно Фуко, «предками» «анормальных», не устанавливаются как свойства субъекта (свойства среди прочих свойств), они выпадают из процесса субъективации; и, во-вторых, они не вписываются полностью ни в один из существующих общественных институтов и разработанных в их рамках дискурсов или практик – они как бы взламывают границы действующей институционализации.

* * *

В завершение, опираясь на эту «археологию нормы» или, точнее говоря, на то, как мы ее изложили, повторим еще раз, почему следует быть категорически несогласным с трактовкой (а не просто переводом) «anormaux» как «ненормальных». Такой перевод до предела упрощает смысл тех образов и фигур, которые анализируются в данном исследовании Фуко и генеалогически обнаруживаются им в сердцевине «anormaux». «Ты – ненормальный!», – утве-

²⁰ См.: «Les anormaux», p. 56.

ждение хоть и достаточно редкое, но все-таки привычное среди обычных людей, а кто-то, может быть, даже слышал его в свой собственный адрес или в сердцах обращал его в адрес своего «ближнего». Но кто видел своими глазами, например, «одержимого» или «мастурбирующего ребенка»?! Возможно, многие скажут, что видели. Но совершенно точно, что вряд ли кто-то обращал эту формулу («Ты – кликуша», «Ты – маленький развратник») тому, кто привычно живет рядом с ним.

«Anormaux» – термин, относящийся, как род к виду, к различным формам дисквалифицированных *объектов*, это как бы мета-дисквалифицирующее высказывание, призванное представить действие нормы как таковой, или, как выражается Фуко, – «власти нормализации» в ее предельно общем виде.

Оксана Гавришина

«Другая фотография»: заметки о конференции

5–6 ноября 2004 года в Бостоне прошла конференция¹, посвященная «вернакулярной» фотографии²: фотографии наиболее распространенной и массовой, заведомо скучной, типовой, анонимной (зачастую потому, что автор не только не известен, но и не важен), любительской, слишком интимной, отсылающей к подробностям жизни каких-то незнакомых людей, или же, напротив, слишком

¹ Vernacular Reframed: Exploration of the Everyday. Конференция организована факультетом истории искусств Бостонского университета. В числе докладчиков – влиятельные исследователи фотографии (Алан Трахтенберг и Джеффри Бэтчен), частные коллекционеры и владельцы галерей (Роджер Кингстон, У.М. Хант и Стивен Уайт), хранители фондов и музейные кураторы (Мэри Фореста и Э.Д. Коулман). См.: <http://www.bu.edu/art/webPages/vernacular/index.html>

² Термин «vernacular» в отношении фотографии в значении «местный», «диалектный», «разговорный», «просторечный» заимствован из языкознания и, вероятно даже в большей мере, из истории архитектуры, где этот термин относится к «местной», «народной» архитектуре, а также к самым разным постройкам вне категории «стиля». Важно, что во всех этих случаях предполагается противопоставление «вернакуляра» «высокому» нормативному образцу.